

УГРОЗА ГЕРМАНО-АНГЛИЙСКОЙ ВОЙНЫ В ИЮЛЕ – НОЯБРЕ 1911 ГОДА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В статье рассматривается напряженная ситуация, возникшая между Германией и Англией в июле – ноябре 1911 г., таившая в себе опасность полномасштабного военного столкновения. Причиной возникшего обострения явилась попытка немцев утвердиться на атлантическом побережье Марокко в результате известного «прыжка Пантеры», что, в свою очередь, вызвало кризис в германо-французских отношениях. В действиях Берлина Лондон увидел не столько стремление добиться колониальных компенсаций в Африке, сколько нарушить «равновесие сил в Европе», что шло в разрез

стратегическим интересам британцев. Дополнительным, но важным фактором, усугублявшим международную обстановку, являлась продолжавшаяся гонка морских вооружений между Германией и Англией. Война не возникла в силу еще неподготовленности к ней военно-морских сил двух государств.

Ключевые слова: обострение германо-английских отношений, угроза войны, военно-морская гонка вооружений.

S. Sinegubov

THREAT OF GERMAN-ENGLISH WAR IN JULY – NOVEMBER 1911: MYTH OR REALITY?

The article analyses the tense situation that appeared between Germany and England in July – November 1911 and harboured the danger of total armed clash. The reason for the arisen aggravation was caused by the Germans' attempt to establish themselves at the Morocco Atlantic seaside as a result of the famous "Panther's jump", which led to the crisis in the French-German relationships. London noticed not only the intention to achieve colonial compensations in Africa in Berlin's actions, but to break "the balance of forces in Europe", what was contrary to the British interests. The continuing navy military race between Germany and England was an additional, but very important factor, which aggravated the international situation. The war did not flare up because the navy armed forces of these two countries were not ready for action.

Key words: aggravation of the English-German relationships, threat of war, navy military race.

Оккупация весной 1911 г. французскими войсками столицы Марокко Феца резко обострила не только германо-французские [5, с. 704–705], но и германо-британские отношения, которые с начала XX в. в связи морским соперничеством между двумя государствами находились в состоянии перманентной напряженности [30, с. 25; 21, с. 102; 28, с. 30; 1, с. 59–63]. По приказу кайзера канонерская лодка «Пантера» и крейсер «Берлин» были посланы 1 июля 1911 г. без совета с военно-морским министром и начальником штаба Адмиралтейства [20, с. 89–90] в марокканский порт Агадир, который располагался на атлантическом побережье, что поставило Европу на грань войны. В начавшемся германо-французском противостоянии Лондон однозначно занял позицию Парижа. Причем британские политические и военно-морские руководители считали, что действия немецкой стороны продиктованы не столько желанием получить от французов колониальные компенсации, сколько закрепиться в Агадире и превратить этот морской порт на Атлантике «во второй Гельголанд» [25, с. 239]. В стратегической перспективе военно-морскую акцию Германии и последующее давление на

Францию англичане расценили, как попытку немцев унижить французов и тем самым разрушить Антанту. Это, свою очередь, как считали в Форин Оффис, неизбежно привело бы к нарушению равновесия сил в Европе [14, с. 126]. Поэтому вполне объяснима резкость суждений по поводу конфликта, которые стали доноситься с берегов Темзы. В начале такую тональность задавала пресса [25, с. 240], а затем ее подхватили и официальные лица. 21 июля 1911 г. руководитель финансового ведомства Д. Ллойд Джордж, с одобрения премьер-министра Г. Асквита и министра иностранных дел Э. Грэя [18, с. 224], выступил с речью в Мэншн-хаузе. В ней недвусмысленно было сказано, что Великобритания не позволит изменить существующее положение по колониям без ее участия [5, с. 709]. Это заявление, с одной стороны, охладило желание французских политиков идти на уступки немцам, а с другой стороны, дало однозначно понять Берлину решительную настроенность англичан, вплоть до военных действий, к отстаиванию status quo на африканском и европейском континентах.

Выступление Ллойд Джорджа, который всегда слыл пацифистом и сторонником англо-германской флотской договоренности [15,

с. 139–143], Вильгельм II и его окружение восприняли не только как официальную позицию британского кабинета министров [16, с. 213–214], но и как неприкрытую угрозу стране и немецкому народу [16, с. 206–209]. Таким образом, вопреки ожиданиям высших берлинских гражданских чинов марокканский конфликт выходил за рамки германо-французских отношений [4, с. 493–499]. Германский посол в Лондоне П. Меттерних выразил Грэю резкое недовольство своего правительства содержанием речи Ллойд Джорджа, что было расценено главой британского министерства иностранных дел как угроза военного нападения [25, с. 241]. В прессе «туманного Альбиона» началась мощная антинемецкая кампания, звучали призывы к началу боевых действий против Германии. Ситуация еще больше усугубилась, когда на британских островах стало известно о том, что в прибрежных водах Норвегии начали концентрироваться германские военные суда [10, с. 1020]. Этот сбор германских кораблей был вызван намерением кайзера Вильгельма II совершить очередное, ежегодное «северное путешествие» в сопровождении части судов флота Открытого моря и прибыть в норвежский порт Молде, куда с «визитом вежливости» должны были прийти и английские корабли. С учетом нараставшего напряжения по обе стороны пролива и с целью недопущения возможного морского столкновения в период с 14 по 22 июля 1911 г. иностранные ведомства двух государств вели активные переговоры о том, чтобы развести по разные стороны германский и британский флот [10, с. 1015–1020].

Между тем английские издания «накручивали страсти» по поводу вероятных и неожиданных с военной точки зрения действий германских кораблей Открытого флота. По данным, которые имелись у лондонской «The Times» на 21 июля 1911 г., немцы сконцентрировали в Северном море 16 линейных судов и 4 больших броненосных крейсера, месторасположение которых было неизвестно [25, с. 241], что порождало определенную нервозность даже среди чинов Адмиралтейства [27, с. 198]. Постепенно накалявшаяся обстановка начинала напоминать ситуацию конца 1908 г.

Тогда, как известно, авторитетный в стране военный и политик лорд Робертс, выступая в конце ноября 1908 г. в верхней палате английского парламента, говорил о готовности Германии высадить десант на британских островах численностью в 150–200 тыс. солдат [6]. Газеты Лондона и других городов Объединенного Королевства пестрили сообщения подобного тому, что было опубликовано в издании «Quarterly Review» [2]. В нем, частности, говорилось, что в Лондоне под видом лакеев работает 50 тыс. немецких шпионов, готовых по первому сигналу захватить британскую столицу. Такие заблаговременные «предупреждения» вызвали паническое состояние британского общества и оно пережило «настоящую коллективную военную истерию» [31, с. 156]. Однако в отличие от ноября 1908 г., когда высшие английские военные и военно-морские чины особо не верили в возможность германского вторжения [31, с. 148], военно-морская обстановка в Северном море конца июля 1911 г. для членов Committee of Imperial Defence была во многом не совсем понятна. Тем более, что корабли флота Отечественных вод (Home Fleet) оказались рассредоточенными по разным портам, что потенциально облегчало немецкое нападение на британские прибрежные территории. Если бы Германия действительно осуществила бы подобную операцию, то, по словам известного в стране флотоводца адмирала Ч. Бересфорда, «произошло бы военно-морское бедствие» [25, с. 241].

В этой связи вполне понятны превентивные действия, которые предпринял глава Форин Оффиса. 24 и 25 июля 1911 г. Грэй в своих посланиях к морскому министру Р. Маккене отмечал большую вероятность нападения германских кораблей на британский флот. Поэтому он просил его провести соответствующие подготовительные мероприятия [10, с. 1021; 16, с. 219]. В целях безопасности 26 июля 1911 г. планируемый «визит вежливости» британских кораблей в Швецию и Норвегию был отменен [10, с. 1021], а флот приведен в боевую готовность [16, с. 219] с тем, чтобы при необходимости дать решительное сражение немцам в Северном море. Издание Бергена

передало сообщение английского Ллойда о том, что безопасность на море может быть обеспечена только на 15 дней [16, с. 219]. Все это только усиливало подозрительность и нервозность в германо-британских отношениях. Не внесло полного успокоения и заявление английского посла в Берлине Э. Гошена, сделанное им 26 июля 1911 г. В нем говорилось, что «домашнее стояние» британского флота не связано с событиями в Марокко, и что оно вызвано «служебно-техническими причинами» [16, с. 219]. Хотя кайзер и отправился в свое ежегодное «северное путешествие» [16, с. 219], но начальник его военно-морского кабинета адмирал Г. А. Мюллер был срочно вызван из отпуска, чтобы контролировать ситуацию [20, с. 89]. В Германии «правые издания» в ответ на антигерманские выступления на британских островах повели собственную атаку на британскую политику. Для военно-морского статс-секретаря А. Тирпица такая «взвинченная обстановка» была как нельзя кстати. Он хотел ее использовать, чтобы добиться новой цели – принять очередную флотскую новеллу, которая узаконила бы так называемый «трехтактный темп» [9, с. 189] военного судостроения после 1911 г. Именно, начиная с 1912 г., в соответствии с новеллой 1908 г., темп военного судостроения должен был снизиться до 2 кораблей в год [13, с. 190]. Однако это намерение военно-морского министра не вписывалось в стратегию рейхсканцлера Т. Бетман-Гольвега, который с самого начала своего канцлерства стремился не обострять отношения с англичанами. Более того, глава правительства, как известно, желал подписать с ними политическое соглашение о нейтралитете, чтобы обеспечить тылы для германской «мировой политики» [3, с. 246–252]. Однако складывающаяся ситуация этому явно не благоприятствовала. Напротив, она грозила вылиться в самое худшее, что тогда могло случиться – в войну. О такой возможности говорили сообщения германского посла П. Меттерниха из Лондона. 3 августа 1911 г. он писал рейхсканцлеру, что угрозы англичан не являются пустыми словами. По имеющимся у него данным, британцы могут в течение 14 дней высадить на французском или бельгийском

побережье до 90 000 солдат [16, с. 225–226]. По предварительному плану, который был составлен еще в июле 1909 г. подкомитетом Committee of Imperial Defense, англичане готовы были оказать французам военную помощь, в случае неспровоцированного нападения на них немцев, в размере 6 пехотных дивизий и кавалерией общей численностью 160 тыс. чел. Кайзер серьезно воспринял информацию своего посла. Поэтому его возмущение действиям Лондона по нагнетанию обстановки, которое он выразил послу Гошену в беседе, состоявшейся между ними 12 августа 1911 г., было неподдельным [16, с. 228–230]. На этой же встрече было заявлено о намерении германского руководства принять новую флотскую новеллу, предусматривающую увеличение флота и прежде всего за счет постройки дополнительных крейсеров. За несколько дней до этого, 3 августа 1911 г., Тирпиц в письме к своему заместителю вице-адмиралу Э. Каппелле отмечал, что действенным ответом на угрозы англичан может стать только усиление германского флота через утверждение нового флотского документа. В другом послании, датированном 12 августа 1911 г., он, ссылаясь на неготовность еще германского флота к войне и на ненадежность союзных Австро-Венгрии и Италии, вновь подчеркивал политическую и военную значимость принятия флотской новеллы, чтобы в будущем не допустить подобных притеснений, «которые Германия переживает в настоящий момент» [26, с. 88]. В качестве конкретных требований Тирпиц предлагал в обязательном порядке утвердить закладку 3 или 4 броненосных крейсеров [27, с. 200]. Причем с принятием флотской новеллы, как считал военно-морской секретарь, тянуть было никак нельзя, «и делать это надо в начале 1912 г.» [27, с. 200].

В августе 1911 г. английская пресса уже всю обсуждала возможные негативные последствия изменения Германией флотского закона для германо-британских отношений. Перспективы их развития с учетом нерешенного на тот момент германо-французского противостояния из-за Марокко были не радужными. Однако ни кайзера, ни Тирпица, это ни сколько не пугало, а, напротив, укрепляло в желании добиться

поставленной цели. Глава военно-морского ведомства прямо говорил, что если англичане захотят нам запретить принятие флотской новеллы, это будет основанием для войны и каждый в Германии воспримет это с пониманием, а дальше «все будет по воле судьбы».

19 августа 1911 г. Меттерних предупреждал Бетман-Гольвега, что обстановка будет «тяжелой», если Берлин не договорится с Парижем [16, с. 232]. При этом сами британские власти на тот момент серьезно считались с угрозой германского нападения, поэтому они предприняли меры по прекращению забастовки угольщиков и железнодорожников, чтобы усилить обороноспособность страны [16, с. 234–236], провели мобилизационные мероприятия [16, с. 279]. Ситуация усугублялась еще и тем, что, по утверждению английского морского атташе в Вене Стюарта, в тот период военно-морские корабли не могли быть обеспечены достаточным количеством угля, что несомненно, затруднило бы их действия в случае германской атаки на британское побережье [16, с. 277]. В подготовительных действиях Лондона один из сотрудников министерства иностранных дел Германии В. Штумм увидел больше оборонительную направленность, чем наступательную [16, с. 280]. Такой же оценки придерживался и глава ведомства А. Кидерлен-Вэхтер [16, с. 290], пытаясь доказать, что англичане блефуют, пугая Германию войной. Напротив, донесения германского морского атташе в Лондоне В. Виденмана говорили об обратном. Начальник германского штаба Адмиралтейства вице-адмирал А. Хееринген также считал, что британцы готовятся к нападению [16, с. 287]. 23 августа 1911 г. в Лондоне состоялось закрытое совещание Committee of Imperial Defense, созванное премьер-министром Г. Асквитом [29, с. 99–101]. В нем наряду с гражданскими министрами участвовали высшие чины сухопутных и морских сил, и обсуждался вопрос о трехкратном усилении экспедиционного корпуса (до 290 000 чел.), который планировался для высадки на материковую часть. Хотя единого мнения достичь не удалось [19, с. 225–234], но было принято решение об усилении деятельности военных и военно-морских учреждений [12, с. 64].

Воинственность англичан разозлила Вильгельма, всегда возмущавшегося их неприкрытым давлением. Поэтому, выступая 27 августа 1911 г. в Гамбурге, он резко заявил, что Германия и дальше будет усиливать собственный флот, и «что никто не сможет оспорить причитающееся нам место под солнцем» [20, с. 92]. Немецкие газеты как, впрочем, и британские издания [17, с. 3–5] поняли это как намек на принятие в ближайшее время новой флотской новеллы. Получалось, что, не решив пока еще марокканскую проблему, из-за чего возникла серьезные трения с Лондоном, Берлин создавал дополнительную коллизию, еще более усугубляющую германо-британские отношения. Усилению напряженности между двумя сторонами способствовало и скандальное интервью английского посла в Вене Картрайта. Оно было опубликовано 25 августа 1911 г. в газете «Neuen Freien Presse» и в нем содержались очень резкие выпады против германской политики в Марокко [16, с. 237–244].

Неудивительно, что в обстановке постоянных разговоров о возможной войне кайзер в начале сентября 1911 г. сначала обсудил с Тирпицем и Бетман-Гольвегом перспективы принятия флотской новеллы [7], а затем провел обстоятельный разговор с начальником флота Открытого моря гросс-адмиралом Х. Хольтцендорфом, в котором рассматривался вопрос морской войны с британцами. После его завершения Хольтцендорф заявил Мюллеру, что Вильгельм II хочет погубить свое детище – флот. Прежде чем начинать войну с Англией, по его глубокому убеждению, «необходимо завершить внутреннее строительство флота» [20, с. 91]. Такого же мнения был Хееринген и начальник военно-морского кабинета Мюллер. Этот «триумвират» военных, к которым присоединился и рейхсканцлер, убедил кайзера отказаться от его безумной идеи немедленно начать воевать с Великобританией. Более того, даже ряд мер по повышению готовности германского флота, предложенных Хеерингеном, Бетман-Гольвег посчитал «излишними и нежелательными» [16, с. 279].

Чтобы не давать Лондону лишнего повода для начала войны, рейхсканцлер сумел убедить Тирпица не поднимать вопрос о флотской

новелле, пока не улягутся «марокканские страсти» [27, с. 208–209]. В этом отношении показательным было совещание высших германских гражданских и военных чинов, состоявшееся 4 сентября 1911 г. По инициативе кайзера на нем выступил военно-морской атташе в Лондоне Виденман. Учитывая сложившуюся ситуацию в отношениях с англичанами, он сделал предложение принять, как можно скорее, флотскую новеллу. Реакция Бетман-Гольвега была очень бурной. Он в буквальном смысле закричал: «Она принесет нам войну. Она принесет нам войну!!!» [30, с. 186].

24 и 26 сентября 1911 г. военно-морской статс-секретарь представил доклады кайзеру и главе правительства, в которых нашли отражения два главных политических принципа, один из которых следовало выбрать Германии – либо принцип самоограничения интересов в пределах Европы, либо принцип стремления к «месту под солнцем», т. е. мировой политики и борьбы против Англии [26, с. 87]. Нетрудно догадаться, что был выбран второй вариант, тем более, что воинственный антианглийский настрой «человека с улицы» в тот момент в Германии не мог видеть только слепой. По сообщению британского военно-морского атташе в Берлине Х. Уотсона, немцы в сентябрьские дни 1911 г. заявляли, что они «возьмут небольшой остров (имелись в виду британские острова. – С. С.) в течение трех или четырех лет» [11, с. 646]. Воинственный настрой германского обывателя отмечал в своих донесениях и английский посол Э. Гошен. Большинство населения, по его мнению, за исключением только сторонников социал-демократов, требовало от правительства ответных мер на все военные приготовления Лондона [11, с. 660]. Однако время для решительных действий, по мнению прежде всего Тирпица и Бетман-Гольвега, еще не пришло, поэтому следовало искать примирительного решения возникшего опасного напряжения в германо-английских отношениях вследствие столкновения немецких и французских интересов в Марокко. Тем более, что настроенность британцев поддержать французов вплоть до применения силы подтверждалась различными представителями в Лондоне.

12 сентября 1911 г. Меттерних писал рейхсканцлеру, что английское правительство серьезно считается с возможностью войны [10, с. 1034] и проводит соответствующие подготовительные мероприятия. Эти слова полностью подтверждались действиями англичан. 15 сентября 1911 г. Маккена запрашивал Грэя о необходимости изменения дислокации флота Отчественных вод, чтобы не быть застигнутыми врасплох при внезапном нападении немцев [10, с. 1040]. 17 сентября 1911 г. Грэй в послании к Николсону признавал возможность неблагоприятного поворота германо-французские переговоры по Марокко и быстрого выступления Германии. Поэтому, по мнению британского министра, Адмиралтейство должно быть полностью готовым к неожиданному немецкому нападению [10, с. 1041]. 18 сентября 1911 г. германский военный атташе майор Остертаг сообщал о приведении в боевую готовность британской пехоты [30, с. 194]. В конце сентября 1911 г. британский король Георг V, который всегда отличался от своих министров сдержанностью, в разговоре с Меттернихом прямо заявил, что в случае если между немцами и французами начнется война, то его страна займет сторону Франции [16, с. 245]. Эту же мысль почти через месяц подтвердил британский военный министр Р.Б. Холден [16, с. 249]. О неизбежности и близости войны в Англии много говорили и в первых числах ноября 1911 г., прогнозируя ее развязывание к началу 1912 г. [16, с. 252]. Правда, подобные заявления в этот момент уже больше делались из политических соображений, чтобы оказывать давление на Германию. В конце октября 1911 г. в Лондоне уже были полностью уверены в невозможности нападения Германии на британские острова ввиду позиции Тирпица, занятого им по этому вопросу. Военно-морской статс-секретарь считал, что германский флот вплоть до 1915 г. не будет готов к полноценным военным действиям. Поэтому реальным сроком начала войны в британском морском ведомстве считали 1915 г. [10, с. 1046–1047]. Однако Бетман-Гольвег воспринимал грозные заявления из Лондона как значимый фактор риска, влияющий на выстраивание внешне-

политической линии Германии. Поэтому во время дебатов по Марокко в рейхстаге 4 ноября 1911 г. рейхсканцлер считал более правильным не подвергать официально критике речь Ллойд Джорджа. Более того, он пытался сдерживать представителей консервативной партии, которые разжигали страсти по этому поводу. Лидеры консерваторов Хейдебранд и Ласа заявили в своих выступлениях в рейхстаге 9 ноября 1911 г.: «Мы теперь знаем, где находится наш враг. Эти события как молния в ночи показали немецкому народу, где его враг». Германский кронпринц демонстративно поддержал эти антианглийские выступления, что вызвало немалую досаду и сожаление в Лондоне [16, с. 254, 259–260].

Примиренческая настроенность главы германского правительства нашла отклик у Грэя, который по достоинству ее оценил, выразив одновременно желание, открыто не защищать в парламенте выступление министра финансов [16, с. 255]. Безусловно, что подобное изменение позиции британского руководства и желание в последующем не доводить германо-британские отношения до крайнего обострения, о чем стал писать Меттерних после 9 ноября 1911 г. [16, с. 257], было вызвано подписанным в этот день германо-французским соглашением о Марокко [10, с. 1003–1008]. Несомненную определенную роль сыграла также и критика со стороны некоторых членов либеральной партии и министров кабинета [16, с. 269–270] действий Грэя, доведшего ситуацию в июле – августе 1911 г. до опасности реального военного столкновения с Германией [16, с. 268]. Вместе с тем, как отмечал германский посол, англичане дали понять, что их усилия по смягчению германо-британских противоречий не будут осуществляться в ущерб дружбе с французами [16, с. 257] и русскими [16, с. 273]. В конце ноября 1911 г. Меттерних полагал, что после улаживания германо-французского конфликта не исключена возможность постепенного налаживания примирительных отношений между Берлином и Лондоном. Однако это, по его мнению, произойдет только в том случае, если его руководство не будет ставить перед англичанами альтернативы – либо договор

о нейтралитете, либо увеличение германского флота. Подобные действия, по мнению посла, только укрепят притягательные силы между Великобританией и Францией [16, с. 269]. Кроме того, по мысли Меттерних, невозможно будет достичь политического соглашения между Германией и Великобританией, если Берлин будет пытаться нарушить английскую политику «дружбы с Антантой» [16, с. 274].

27 ноября 1911 г. Грэй выступил в нижней палате парламента по поводу произошедших летом событий, обосновал жесткую позицию своей страны по отношению к Германии [16, с. 273], высказав при этом стандартные заверения в «добрых намерениях англичан в отношении немцев». По словам Бетман-Гольвега, «...мы должны теперь ждать подтверждение этих слов делами» [16, 272]. 5 декабря 1911 г. в дебатах в рейхстаге по Марокко уже не было явных антианглийских выступлений, но депутаты также, как и рейхсканцлер, «желали бы видеть конкретные действия англичан по улучшению их отношений с немцами» [16, с. 281].

Таким образом, на протяжении периода июля – начала ноября 1911 г., в разной степени вероятности, германо-британские отношения стояли под угрозой реального перехода их в военное противостояние по причине конфликта Германии и Франции вокруг Марокко. Лишь после подписания германо-французского соглашения 9 ноября 1911 г., удовлетворившего и Англию, отодвинуло страны от опасной черты, за которой могла уже начаться полномасштабная война. Вместе с тем, как показали события, особенно июля – сентября 1911 г., британцы, при всей серьезности делаемых им заявлений в адрес Берлина, еще не обладали достаточными морскими силами у своих берегов, чтобы вести развернутые боевые действия на море против немцев. Поэтому в последующем, когда в феврале – марте 1912 г. закончилась неудачей последняя попытка договориться с немцами по проблеме ограничения флотского вооружения [23, с. 665–692], морской министр У. Черчилль продолжит начатую его предшественниками политику концентрации дополнительных военных сил в Северном море [17, с. 217].

Английское руководство после разрешения марокканского конфликта стремилось наладить отношения с германскими властями, поскольку держало в уме 1912 г., когда немцы, согласно сделанному им заявлению, собирались принять новую флотскую новеллу [25, с. 135]. В Лондоне она воспринималась как реальная угроза британскому морскому превосходству. В такой ситуации нужны были

хотя бы не враждебные отношения, чтобы попытаться отговорить Берлин от этой затеи. С германской стороны, желание иметь мир с англичанами диктовалось стремлением завершить флотское строительство в относительно благоприятных внешних условиях и добиться, если будет возможным, учитывая проантантовскую политику Грэя, соглашения о нейтралитете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лихарев Д. В.* Адмирал Дэвид Битти: история британского флота в конце XIX – начале XX в. / Д. В. Лихарев. СПб.: ГИПП «Искусство России», 1997. 240 с.
2. Новое время. 1908 г. Ноябрь.
3. *Синегузов С. Н.* Начало канцлерства Бетман-Гольвега и попытка заключения германо-английского флотского соглашения (июль – ноябрь 1909 г.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 11(66). С. 246–252.
4. *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны / Г. Хальгартен. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 695 с.
5. *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время, 1871–1914 / В. М. Хвостов; под ред. А. А. Громыко [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1963. 820 с.
6. BA-MA. RM 3/2792.
7. BA-MA. RM 3/6681.
8. BA-MA. Freiburg, Nachlaß Tirpitz. № 253/25.
9. *Berghahn V. R.* Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II / V. R. Berghahn. Düsseldorf: Droste Verl., 1971. 640 s.
10. Die Britische amtlichen Documente über Ursprung des Weltkrieges. 1890–1914. Bd. 7. Halband 2 / Im Auftrage des Britischen Auswärtigen Amtes in elf Bänden herausgegeben von G.P. Gooch und Harold Temperley. Bd. 7, H. 2. Die Agadirkrise. Berlin; Leipzig: Deutsche Verlagsgesellschaft Politik und Geschichte, 1932. S. 683–1499.
11. British Documents on the Origins of the War. 1898–1914. Vol. 6. Anglo-German tension. Armaments and negotiation. 1907–1912 / Ed. By G. Gooch and Temperley. London: Jonsohn rep. corp., 1967. 866 p.
12. *Churchill W. S.* The World Crisis 1911–1918. Vol. 1 / W. S. Churchill. London: Thorton, 1938. 536 p.
13. *Epkenhans M.* Die wilhelmische Flottenrüstung. 1908–1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale integration / M. Epkenhans. München: Oldenbourg, 1991. 448 s.
14. *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911–1914 / F. Fischer. Kronberg: Athenäum, 1978. 805 s.
15. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 24. Deutschland und die Westmächte 1907–1908 / hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelsohn-Bartholdy, F. Timme. Berlin: Dt. Verl. Ges. F. Politik u. Geschichte, 1927. 500 s.
16. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 29. Die zweite Marokkokrise, 1911 / hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelsohn-Bartholdy, F. Timme. Berlin: Dt. Verl. Ges. F. Politik u. Geschichte, 1927. 454 s.
17. Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 31. Das Scheitern der Haldane-Mission und ihre Rückwirkung auf Triepolitente / hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelsohn-Bartholdy, F. Timme. Berlin: Dt. Verl. Ges. F. Politik u. Geschichte, 1927. 556 s.
18. *Grey E.* Twenty-five years: 1892–1916. Vol 1. 3d impr / E. Grey Viscount of Faldon. London: Hodder and Stoughton, 1925. 342 p.
19. *Haldane R. B.* Autobiography / R.B. Haldane. – London: Hodder and Stoughton, 1929. 368 p.
20. *Der Kaiser...* Aufzeichnungen des Chefs des Varinekabinetts Admiral Georg Alexander v. Müller über die Ara Wilhelms II / hrsg. von W. Görlitz. Berlin: Musterschmidt Verl., 1965. 234 s.

21. *Kaulisch B.* Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenrüstung. Eine politische Biographie / B. Kaulisch. Berlin: Militärverl. Der DDR, 1982. 247 s.
22. *Mantey D.* Deutsche Marinegeschichte / D. v. Mantey. Charlottenburg: «Offene Worte», 1926. 335 s.
23. *Massie R.* Die Schalen des Zorns. Grossbritannien, Deutschland und das Heraufziehen des Ersten Weltkrieges / R. Massie. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1993. 876 s.
24. *Marder A.* The anatomy of British seapower – A history of British naval policy in the preDreadnought era 1880–1905 / A. Marder – New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1940. 580 p.
25. *Marder A. J.* From Dreadnought to Scapa Flow: the royal navy in fisher era, 1904–1919. Vol. 1. The road to war, 1904–1914 / A.J. Marder. London: Oxford univ. press, 1961. 459 p.
26. *Salewski M.* Tirpitz: Aufstieg-Macht-Scheitern / M. Salewski. – Göttingen: Musterschmidt Wissenschaftlicher Verl., 1979. 114 s.
27. *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd.1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht; Stuttgart – Berlin: J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1924. 460 s.
28. *Vercoe G. A.* Britain's fighting fleets: the story of the development of the modern British navy from 1890–1935 / G. A. Vercoe. London: P. Marshall & co ltd., 1935. 164 p.
29. *Wilson H.* Life and Diaries. Vol. 1. H. Wilson. London: Cassel, 1927. 364 p.
30. *Widenmann W.* Marine-Atlas an der kaiserlich – deutschen Botschaft in London, 1907–1912 / W. Widenmann; mit einer Einl. Von W. Hubatsch. Göttingen: Musterschmidt Wissenschaftlicher Verl., 1952. 325 s.
31. *Wormer K.* Grossbritannien, Russland und Deutschland – Studien zur britischen Weltreichpolitik am Vorabend des Ersten Weltkrieges / K. Wormer. München: Fink, 1980. 397 s.